

Довжикова Людмила Павловна

Магистрант

Направление: Юриспруденция

Магистерская программа: Уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза, теория оперативно-розыскной деятельности

Процессуальная самостоятельность следователя в условиях реализации судебного контроля на досудебных стадиях уголовного процесса

Аннотация. В статье исследованы теоретические и правовые вопросы, касающиеся процессуальных полномочий следователя и реализации им правового института процессуальной самостоятельности в условиях наличия судебного контроля за его деятельностью. На основе произведенного анализа собранных материалов сформулированы предложения по совершенствованию норм уголовно-процессуального закона, регламентирующих полномочия суда.

Ключевые слова: следователь, досудебные стадии уголовного процесса, процессуальные полномочия следователя, правосудие, суд, судебный контроль.

Вопросы, касающиеся сущности, форм и пределов судебного контроля на досудебных стадиях уголовного процесса, его соотношения с правосудием по уголовным делам являются одними из дискуссионных в теории уголовного процесса на протяжении последних пяти лет. По мнению одних авторов, судебный контроль правосудием не является и составляет самостоятельную судебную функцию [2, с. 15]. Суждения противников данной позиции находятся в широком спектре, начиная от полного отрицания каких-либо иных направлений реализации судебной власти, кроме правосудия (судебная власть иначе как в правосудии осуществляться не может), включая мнение о том, что судебный контроль выступает элементом правосудия, видом правосудия,

особой формой отправления правосудия, и заканчивая позицией о том, что все формы судебного контроля охватываются понятием правосудия.

В юридической литературе также представлена точка зрения, согласно которой на досудебных стадиях уголовного процесса суд не осуществляет функцию правосудия или контроля, эта его деятельность не является даже полифункциональной; судом на досудебном производстве реализуется единственная функция – обеспечительная [5].

Подобное разнообразие высказанных суждений обусловлено отсутствием в законе и теории уголовного процесса четкой дефиниции правосудия – доминирующего направления реализации судебной власти. В связи с этим значимым представляется вопрос о месте судебного контроля на досудебных стадиях процесса в системе процессуальных функций, осуществляемых на досудебном производстве.

Несмотря на законодательное обозначение лишь трех основополагающих функций, по нашему мнению, имеются все основания утверждать о наличии такого направления уголовно-процессуальной деятельности, как судебный контроль на досудебных стадиях уголовного процесса. Содержание данной процессуальной функции, по справедливому утверждению А.А. Тимошенко, заключается в проверке законности и обоснованности решений о задержании, аресте и продлении срока содержания под стражей и применении мер к устранению неправомерного лишения свободы подозреваемых и обвиняемых [7, с. 30].

В то же время, представляется неправильным судебный контроль, осуществляемый на досудебном производстве, сводить только к проверке законности и обоснованности решений о задержании, аресте и их реализации. П.В. Седелниковым судебный контроль охарактеризован как специфическая уголовно-процессуальная деятельность, направленная на обеспечение соблюдения в уголовном процессе конституционных прав и свобод участников процесса, недопущение их нарушения, восстановление незаконно и (или) необоснованно нарушенных конституционных прав [6, с. 26].

По нашему мнению, наиболее продуктивным с точки зрения раскрытия сущности судебного контроля на досудебных стадиях процесса и обозначения его предмета и пределов является вычленение двух разновидностей такой деятельности: предупредительный контроль и последующий.

В соответствии с положениями ст. 29 УПК РФ [1] целый ряд процессуальных действий могут быть проведены следователем только по судебному решению: осмотр жилища при отсутствии согласия проживающих в нем лиц; обыск и выемка в жилище; личный обыск, за исключением случаев, предусмотренных законом; выемка заложенной или сданной на хранение в ломбард вещи, выемка предметов и документов, содержащих информацию о вкладах и счетах граждан в банках или иных кредитных организациях; наложение ареста на корреспонденцию и ее выемка; наложение ареста на имущество; контроль и запись телефонных и иных переговоров; получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами.

Следователь должен также получить решение суда при избрании мер пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога; продлении срока содержания обвиняемого под стражей; помещении подозреваемого, обвиняемого, не находящегося под стражей, в медицинский или психиатрический стационар для проведения судебно-медицинской или судебно-психиатрической экспертизы); временном отстранении обвиняемого от должности; проведении эксгумации в случае, если близкие родственники покойного возражают против этого; при принятии решения о возмещении имущественного вреда и о реализации или об уничтожении определенных вещественных доказательств.

В процессуальной литературе неоднократно высказывались предложения о необходимости дальнейшего расширения пределов судебного контроля на стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования. Так, А.М. Багмет указал на необходимость установления судебного контроля за проведением осмотра места происшествия, проведением следственного

эксперимента и других следственных действий в жилище вопреки воле приживающих там лиц [3, с. 33].

Вместе с тем среди ученых-процессуалистов много противников расширения судебного контроля на досудебных стадиях. При этом справедливо указывается на то, что судебный контроль за проведением следственных действий носит формальный характер, суды практически не отказывают в удовлетворении заявленных ходатайств о проведении следственных действий, но длительность процедуры влияет на последующий результат.

По нашему мнению, процессуально самостоятельный и независимый следователь в состоянии объективно решить вопрос о целесообразности проведения следственного действия по конкретному уголовному делу, тем более что его законность может быть в последующем оспорена стороной защиты. Наличие судебного решения практически создает ситуации, когда законность и обоснованность проведения следственного действия является неоспоримой. Поэтому, как нам представляется, отказ от судебного санкционирования следственных действий лишь усиливает и реально обеспечивает процессуальную самостоятельность следователя.

В юридической литературе также представлено мнение о необходимости отказа от предупредительного судебного контроля на досудебном производстве и возвращения к практике санкционирования процессуальных действий прокурором. В качестве обоснования утверждается, что такой порядок вполне обеспечивал права подозреваемого, обвиняемого; вмешательство же суда в досудебную деятельность выходит за рамки функции правосудия. При этом, по мнению таких авторов, вполне достаточно тех правовых возможностей проверки законности и обоснованности действий следователя, которыми располагает суд в рамках последующего контроля.

В связи с изложенным возникает вопрос о соотношении прокурорского надзора и судебного контроля за деятельностью следователя и возможностях реализации следователем процессуальной самостоятельности в рамках такой контрольно-надзорной деятельности.

При этом одни ученые полагают, что прокурор на стадии предварительного расследования надзирает за действиями и решениями следователя, не охваченными судебным контролем. Другие авторы считают, что предмет судебного контроля шире предмета прокурорского надзора, поскольку суд контролирует в том числе законность действий самого прокурора. Некоторые ученые видят в судье более надежного гаранта прав личности на предварительном следствии, чем в лице прокурора. Судья, по их мнению, не связан ведомственными интересами, независим, не несет ответственности за раскрытие преступлений, ограничен рамками судебной процедуры. При хорошо поставленном судебном контроле прокурорский надзор становится излишним.

В свете рассматриваемых проблем необходимо констатировать следующее: обеспечение законности следственной деятельности средствами прокурорского надзора и судебный контроль в ходе предварительного расследования являются, на наш взгляд, самостоятельными и независимыми друг от друга гарантиями прав граждан. Формализованность судебной процедуры не всегда способствует быстрому восстановлению нарушенного права, поэтому возможность обращения к иным, помимо суда, инструментам защиты прав гражданина должна быть оставлена.

Основная проблема, как представляется, состоит не в том, чтобы искоренить какой-либо контроль за деятельностью следователя вовсе, а в том, чтобы найти оптимальные (разумные, обоснованные) пределы ограничения процессуальной самостоятельности следователя. На наш взгляд, сформулированная законодателем в УПК РФ [1] система судебного контроля за деятельностью следователя не отличается оптимальностью, т.к. зачастую создает неоправданные препятствия в осуществлении производства по уголовному делу, без необходимости ограничивая процессуальную самостоятельность и независимость следователя, а поэтому нуждается в совершенствовании.

Реализация судом полномочий по контролю за деятельностью следователя оказывает существенное воздействие на принятие им процессуальных решений по уголовному делу, определение стратегии и тактики производства следственных и иных процессуальных действий. Очевидно, что в таких условиях ошибочность выводов суда может кардинально сказаться на ходе и результатах расследования по уголовному делу. Возможным вариантом разрешения данного вопроса могло бы стать наделение следователя правом обжалования постановления суда по вопросам, возникающим в ходе производства по уголовному делу и по принимаемым следователем решениям. С этой целью диспозицию п. 5 ст. 38 УПК РФ необходимо дополнить положением следующего содержания: «обжаловать в порядке, установленном главой 16 настоящего Кодекса решения суда, принятые по ходатайствам следователя, а также иные решения суда, влияющие на ход расследования по уголовному делу».

Другим требующим разрешения в целях совершенствования института процессуальной самостоятельности следователя является вопрос о необходимости ограничения перечня действий и решений следователя, подлежащих обжалованию в порядке ст. 125 УПК РФ. В этой связи в процессуальной литературе предлагается законодательно определить конкретные основания для подачи жалоб на действия и решения следователя (например, отказ следователя в допуске к участию в деле конкретного защитника, отказ в удовлетворении ходатайства стороны защиты о проведении следственных действий по собиранию доказательств).

По нашему мнению, правомочность подачи в суд жалобы на действия и решения следователя нельзя доводить до абсурда. В противном случае такие понятия, как процессуальная самостоятельность следователя, эффективность и оперативность предварительного расследования станут чисто декларативными, не имеющими отношения к практическому осуществлению следственной деятельности.

В этой связи очевидно, что для сбалансированности обеспечения прав граждан, вовлеченных в орбиту уголовного процесса, и полноценной реализации следователем назначения уголовного судопроизводства предмет судебного обжалования на досудебных стадиях уголовного процесса должен иметь определенные рамки (пределы). Необходимость такого ограничения обусловлена опасностью необоснованного затягивания уголовного судопроизводства и, как следствие, нарушением права граждан на доступ к правосудию.

При разрешении указанного вопроса целесообразно использовать идеи, заложенные в самом УПК РФ. Так, в ч. 2 ст. 389.2 УПК РФ регламентирован перечень судебных решений, не подлежащих апелляционному обжалованию до окончания судебного разбирательства. Указанная норма не содержит прямых запретов и ограничений на обжалование конкретных действий и решений должностных лиц. Законодатель создал определенные рамки, связанные с регулированием критериев (условий), при соблюдении которых возможно судебное обжалование тех или иных действий (бездействия) и решений должностных лиц. При таком варианте, как справедливо указал А.Р. Варганов, акцент с вопроса об ограничении круга подлежащих судебному обжалованию процессуальных решений и действий переносится на вопрос об определении стадии уголовного судопроизводства, в которой восстановление нарушенного права является наиболее эффективным [4, с. 114].

Такое решение, на наш взгляд, позволяет учитывая специфику уголовного процесса, с одной стороны, избежать основных опасностей тотального судебного контроля, а с другой, – обеспечить гарантированную Конституцией РФ защиту прав и свобод личности.

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921

2. Антонов И.А. Работа следователя: противоречия процессуального положения, решаемых задач и ответственности // Российский следователь. 2019. № 7.

3. Багмет А.М., Османова Н.В. К вопросу о процессуальной самостоятельности следователя на стадии возбуждения уголовного дела и законности принимаемых им решений // Российская юстиция. 2019. № 8.

4. Вартанов А.Р. Проблемы процессуальной самостоятельности следователя по УПК РФ: Дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2012.

5. Мищенко Е.В., Горлачев С.А. Анализ самостоятельности следователя в ходе досудебного производства по уголовному делу // Вопросы науки и образования. 2020. № 17 (101).

6. Седельников П.В. Поручение следователя органу дознания // Законодательство и практика. 2017. № 1.

7. Тимошенко А.А. Требования к судье, прокурору и следователю необходимо повышать // Администратор суда. 2018. № 1.

© Бюллетень магистранта 2021 год № 7